

Л.Б. Карелова

Японская философия в контексте интернационального философского диалога

Долгое время в отечественном и мировом научном сообществе существовал и продолжает существовать стереотип восприятия японской философии как вторичной, не принесшей ничего нового. Во-первых, причиной этому являлись восходящие к Гегелю европоцентристские установки по отношению к восточной философии в целом, во-вторых, языковой барьер и отсутствие вплоть до недавнего времени на Западе переводов и глубоких исследований в области истории и современного состояния японской философии, и в-третьих, возможно, имевший место в самой Японии «философский комплекс», который красноречиво отражает известное высказывание Накаэ Тёмина (1847–1901) – «в Японии не было и нет философии». Последнее обстоятельство связано с тем, что само понятие «философия» в Японии было принято ассоциировать с импортированной западной культурной традицией и сформировавшимся в ней представлением о философии. Поэтому в японской университетской среде обычно курс истории философии подразумевал изучение европейской философии, начиная с Платона и Аристотеля.

С 90-х годов XX в. ситуация стала меняться. Неоценимый вклад в формирование более адекватного представления о японской философии в последние два десятилетия был сделан американскими и английскими философами-востоковедами, социологами, антропологами и культурологами, такими как Г.Арутюнян, Т.Казулис, С.Хейне, Дж.Хейсиг, Дж.Маральдо, Р.Картер, С.Один

и др.¹ Знаменателен выход серии переводов на английский язык японского философского наследия, а также публикация работ современных японских ученых². Благодаря этим усилиям сформировался новый подход к японской философии, состоящий в рассмотрении ее в контексте мировой философии, уяснении ее места в интернациональном философском дискурсе.

Во многом утверждению этого подхода способствуют совместные форумы и исследования, посвященные как истории философии в Японии, так и обсуждению актуальных проблем современной философии, в которых принимают участие западные и японские ученые. Такого рода новый опыт представлен в вышедшей в 2011 г. в США под редакцией Б.Дэвиса, Б.Шрёдера и Дж. Вирта коллективной монографии «Японская и континентальная философия. Диалоги с Киотоской школой»³, посвященной анализу наследия Киотоской школы в контексте задач сегодняшнего дня. Целью этой книги является продвижение диалога между западной и японской философией, поскольку на Западе такого рода диалог находится лишь в стадии зарождения. В то же время в Японии активная полемика с западными философами практически в одностороннем порядке ведется с конца XIX в. и продолжается по сей день. Этот дисбаланс отмечается во введении к данной книге: «Тогда как западные философы (за редким исключением) проявляют интерес главным образом к своей собственной традиции, японские философы с ревностью стремятся к выстраиванию мостов диалога между своими собственными и западными концептуальными и лингвистическими горизонтами» (с. 1).

Наиболее продуктивной и ревностной в построении диалога была Киотоская школа, оригинальные идеи которой формировались в дискуссии с западными философскими направлениями и в то же время были тесно связаны с японской духовной традицией, в частности с интеллектуальным потенциалом буддизма махаяны. Свое название Киотоская школа получила благодаря тому, что она объединяла группу философов, связанных так или иначе с Киотоским университетом. Принадлежность к ней того или иного ученого определяется общими подходами и терминологией, выработанными Нисидой Китаро (1870–1945) и его ближайшими учениками – Танабэ Хадзимэ (1885–1962) и Ниситани Кэйдзи (1900–1990). Мыслители, принадлежавшие к первым поколениям Кио-

тоской школы, полемизировали главным образом с европейскими философскими направлениями, такими как немецкий идеализм, марксизм, экзистенциализм, герменевтика и феноменология. Современные преемники традиций Киотоской школы, оставаясь верными ее принципам, обращаются к анализу взглядов Арендт, Дэрриды, Хабермаса, Левинаса, Мери-Понти, Рикёра, Шелера и др.

Примечательно, что в рассматриваемой коллективной монографии приняли участие японские мыслители, принадлежащие к третьему и четвертому поколениям данной школы – Уэда Сидзутэру, Охаси Рёсукэ и Фудзита Масакацу. Среди авторов, представляющих западную философию, – ученые из США, Канады, Германии, Бельгии, Ирландии.

Поскольку японский взгляд на западную философию с позиции «другого», другой культуры, долгое время оставался незамеченным, издание «Японская и континентальная философия. Диалоги с Киотоской школой» является одним из первых шагов в сторону того, чтобы диалог стал взаимным, чтобы западные философы дали ответы на вызовы, сделанные представителями Киотоской школы. Эта книга призывает западных философов эпохи глобализации не замыкаться в рамках собственной традиции, а выходить на широкий диалог, получая таким образом новые импульсы для собственных философских исканий.

Первый раздел книги «Киотоская школа и диалог» посвящен не только раскрытию диалогического потенциала данной школы, но и эвристическим возможностям и перспективам интернационального философского диалога в целом. Раздел открывается статьей Уэды Сидзутэру «Вклад в диалог с Киотоской школой». Автор показывает, как, полемизируя с западной онтологией, базирующейся на понятиях «бытие» и «субстанция», Киотоская школа выдвинула идеи «абсолютного ничто», «пустоты», «места», ставя на первый план связи и отношения, перемещая акцент с субстанционального на процессуальный аспект реальности. С точки зрения автора статьи, характерные для философии Нисиды Китаро идеи «места» взамен «субстанции», «противоречивого самотождества» вместо «принципа тождества», «снятия оппозиции субъекта и объекта» вместо «дуализма субъекта и объекта», разума, внутренне присущего чувственности, вместо жесткого разделения разума и чувств могут стать отправной точкой для формулирования новых

принципов философии (с. 25). Уэда Сидзутэру говорит об открытии новых горизонтов и о наступлении новой эры в философии: «В русле поворота от прошлой идентификации западной философии с философией как таковой и движения навстречу открытию дискурса “мировой философии” могут ожидать новые и важные вклады в философию, которые исходят из незападных традиций культуры и мысли... Контакт между различными традициями обещает помочь пролить свет на общие и фундаментальные структуры человеческого существования и будет вдохновлять на появление новых путей понимания мира и индивида, коренящихся в наших различных манерах бытия-в-мире. То, что объявляется “концом философии”, относится к системе знания, которая помещает метафизику на позицию первой философии. “Мировая философия” призывает к трансформации самой философии вместе с трансформацией мира. Для западной философии также “другое начало” мышления является настоящим требованием; возможность открытия признаков такого “другого начала” в прозрениях иных традиций вне Европы сейчас начало реализовываться» (с. 20). При этом выдвигая проект «мировой философии», Уэда Сидзутэру имеет в виду не гиперсистематизацию и гомогенизацию, а создание пространства, которое будет включать многообразие различных традиций, внутри которого каждая из этих традиций может быть «ревитализирована» (с. 30).

Автор статьи «Диалог и присвоение: Киотоская школа и кросс-культурная философия», американский профессор Брэт Дэвис, обращается к наследию школы через призму проблем соотношения между культурным заимствованием и творческим синтезом с одной стороны и диалога и уважения к культурным различиям – с другой.

Рассматривая подходы к межкультурному диалогу, выработанные представителями Киотоской школы, Брэт Дэвис отмечает, что, согласно Нисиде Китаро, если культура открыта диалогу, то она несет в себе принцип самоотрицания, который означает, что она не воспринимает себя как один-единственный всеобъемлющий мир. Только путем самоотрицания культура становится «свободной от себя в своем взаимодействии с другими мирами и другими культурами, которые являются для нее чужими» (с. 42). Дэвис показывает продуктивность нигилистического подхода Нисиды Китаро с

точки зрения межкультурного диалога. Киотоская школа предлагала глобальную перспективу, отличную как от телеологического европо- или америкоцентризма, так и от «столкновения цивилизаций». Представители этой школы, признавая, что каждая культура синтетична по своему характеру, тем не менее утверждали, что это не должно означать уничтожения культурной целостности и культурных различий. Модель, предлагаемая Нисидой, представлена в образе «мир миров», понимаемом как пространство диалога, в котором каждая культура получит возможность раскрыть себя другим культурам своим собственным путем. Согласно Нисиде Китаро, подлинно мировая культура может быть сформирована только множеством различных культур, которые, утверждая свою точку зрения, развиваются через посредничество мира. Б.Дэвис высоко оценивает подход Нисиды Китаро, выработанный еще в первой половине прошлого века и утверждающий, что «новая глобальная парадигма должна быть плюралистической, а не империалистической, что предполагает движение за пределы соревновательного антогонизма в сторону взаимно трансформирующего диалога, совместного создания “мира миров”, единства в различии, в которое каждая нация вносит вклад» (с. 45).

Авторы монографии отмечают общую направленность поисков западных философов XX в. и представителей Киотоской школы, выявляя широкие возможности для диалога и обращая внимание на оригинальность решений, предлагаемых японскими учеными. Так, Брэт Дэвис показывает, как Ниситани Кэйдзи развивал философские выводы дзэн-буддизма в форме, которая резонировала с постницшеанскими ответами на кризис нигилизма на Западе, в частности идеями Хайдеггера. Эрин Маккарти сопоставляет взгляды японского мыслителя Вацудзи Тэцуро и современного французского феминистского философа и психоаналитика Люс Иригарэй, которые с разницей в 50 лет критиковали доминирующее в западной философии восприятие «я» как изолированного автономного индивида и понимание этики как сферы исключительно индивидуального сознания. Оба они выдвигали альтернативные модели, в которых и индивидуальность, и интересубъективность являются одинаково значимыми для человеческого бытия-в-мире. Брайан Шрёдер усматривает близкие подходы во взглядах Танабэ Хадзимэ и Левинаса, первый из которых в 1946 г. предложил про-

ект философии как «метанэтики», а второй в книге «Тотальность и бесконечное» в 1961 г. выдвинул идею метафизики как отношения между Самостью и Другим, разворачивающегося в форме коммуникативного дискурса, сделав этику метатеорией онтологии.

Весьма знаменательно утверждение Б.Дэвиса в статье «Ниситани после Ницше: от смерти бога к великой смерти Воли», который пишет, что кризис западной философии, «конец философии» как метафизики или онтологии может быть также воспринят как возможность для начала диалога с незападными традициями. По его словам, «утрата доверия к идеологии, которая отождествляет модернизацию и вестернизацию с прогрессом, который всегда было проще мыслить в терминах науки и технологии, чем в терминах философии и религии, может открыть дверь, через которую мы сделаем “шаг назад” в область диалогического мышления, двустороннего диалога между корнями западной и восточной традиций, а также между их модернистскими и постмодернистскими ветвями» (с. 83).

В высшей степени положительно оценивая начинание, предпринятое коллективом авторов монографии «Японская и континентальная философия. Диалоги с Киотоской школой», хотелось бы высказать пожелание, чтобы и представители отечественной философии прониклись важностью подобного подхода и активнее вливались в процесс межкультурного философского диалога.

Примечания

- ¹ См.: *Self as Body in Asian Theory and Practice* / *Kasulis T.P.* ed. Albany, 1992; *Japan in the World* / *Miyoshi M.* and *Harootunian H.D.* eds. Durham, 1993; *Rude Awakening: Zen, the Kyoto School, and the Question of Nationalism* / *Heisig J.W.* and *Maraldo J.C.* eds. Honolulu, 1994; *Zen and Comparative Studies* / *Heine C.* ed. Honolulu, 1996; *Odin S.* *The Social Self in Zen and American Pragmatism.* Albany, 1996; *Contemporary Japanese Philosophy* / *Deutsch E.* ed. London, 1997; *Carter R.* *Yuasa Yasuo. Encounter with Enlightenment. A Study of Japanese Ethics.* Albany, 2001; *Blocker H.J.* *Starling Chr. L.* *Japanese Philosophy.* Albany, 2001; *Zen and Modern World* / *Heine S.* ed. Honolulu, 2003; и др.
- ² См.: *Sourcebook for modern Japanese Philosophy. Selected Documents* / *Dilworth D.A., Viglielmo V.H.* and *Maraldo J.C.* eds. Westport, Connecticut, London, 1998; *Contemporary Japanese Thought* / *Calichman R.* ed. N.Y., 2005.
- ³ *Japanese and Continental Philosophy. Conversations with the Kyoto School* / *Davis B., Schroeder B., Wirth J.M.* eds. Bloomington and Indianapolis, 2011.